

М.С. Макеев
ФЕТ И МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ:
ЗАМЕТКИ К ТЕМЕ

Аннотация. Заметка посвящена тому влиянию, которое оказал на Фета курс лекций по политэкономии, прочитанный в Московском университете профессором Александром Ивановичем Чивилёвым. Доказывается, что под его воздействием сформировались представления поэта о земле как о форме капитала, по сути не отличающейся от капитала любого другого типа. Такие воззрения и привели Фета к занятиям сельским хозяйством.

Ключевые слова: Фет; А.И. Чивилёв; политэкономия; капитал; землевладение; Императорский Московский университет.

Makeev M.S. Fet and Moscow University: some notes

Summary. The article is devoted to the influence that the course of a lecture on political economy delivered by Professor Alexander Ivanovich Chivilyov at Moscow University had on a worldview of Afanasy Fet. It is proved that the poet's ideas about the land as a form of capital, essentially no different from any other type of capital, were formed under his influence. Such views led Fet to farming.

Keywords: Fet; A.I. Chivilyov; political economy; capital; landownership; Moscow University.

Причудливая судьба Афанасия Фета (включающая решение поступить на военную службу сразу после окончания Московского университета, борьбу за дворянское достоинство и возвращение фамилии, энергичное домогательство крупного придворного чина и проч.) и его нетипичные для литератора его формации философские (последовательный программный атеизм и презрение к гегельянству, шопенгауэрианство) и общественно-политические взгляды (ненависть к либерализму, неверие в прогресс и просвещение, нескрываемый монархизм и почти эпатазирующее поклонение образцовому автократу и деспоту Николаю I и проч.), вызывавшие постоянно недоумение, разочарование и часто раздражение его более «типичных» сверстников и коллег (Дружинина, Тургенева, Аполлона Григорьева, Полонского, Л.Н. Толстого и др.), заставляют исследователей его биографии и творчества уделить особое внимание обнаружению тех факторов, под влиянием которых такая личность и жизненная история могли состояться¹.

Одним из «нетипичных» поступков Фета является покупка им имения Степановка в августе 1860 г., накануне крестьянской реформы, в тот момент, когда любой здравомыслящий человек понимал, что помещицкому хозяйству готовится серьезный удар. Едва ли не самый значительный исследователь биографии Фета интерпретировал такой выбор жизненного пути как следствие его неизлечимой травмы – утраты дворянского достоинства: «В эти годы, в пору распада помещицкого хозяйства, неясности во взаимоотношениях с крестьянами, трудностей, связанных с переходом от крепостного труда к наемному, налаживать неопытными руками помещицье хозяйство было делом рискованным. При энергии и практических способностях Фета, при его родственных связях по жене с верхами московской буржуазии можно было, без сомнения, найти способы употребить деньги, полученные в приданое за женой, вернее и выгоднее. Но Фет хотел, по-видимому, прежде всего внутренней опоры, удовлетворяющего социального самоощущения. Помимо возможности порвать с литературной средой, ставшей ненавистной, и приложить к другому делу свою недюжинную энергию, помимо надежды на обогащение, манила и возможность гармонии между деятельностью и мировоззрением, манила и с детства взлелеянная мечта»². Это желание если не быть, то казаться помещиком, заниматься в жизни тем, чем занимаются

русские дворяне, по Бухштабу, отразилось в автостилизации внешнего облика Фета: «Он стилизовал свой внешний облик и перестраивал внутренний по модели кондового, кряжевого русского помещика»³.

В своей монографии мы предложили иное представление о причинах, побудивших лирического поэта заняться сельским хозяйством⁴. Здесь мы хотим уточнить некоторые аспекты. По нашему мнению, желание поэта приобрести поместье никак не связано с утраченным дворянством и какими-то попытками его таким способом обрести. Всегда рационально и практично мыслившему Фету было совершенно ясно, что такое приобретение никак его к дворянству не приближало – таких механизмов в Российской государственной системе не было. Не было в сознании Фета и каких-то менее «материальных» причин такого выбора, ассоциаций между дворянством и сельским хозяйством, какой-то священной, почти мистической (или, по Бухштабу, психологической) связи между дворянством и землей, предположительно обусловившей пресловутый фетовский консерватизм. Как мы хотим показать, причина его превращения в сельского хозяина – не вынесенный из детства образ утраченной помещичьей усадьбы, но приобретенные в университетские годы вполне «прогрессивные» социально-экономические воззрения.

Хорошо известно, что Фет был крайне «нетипичным» студентом. Обучаясь в Московском университете в годы едва ли не высшего расцвета, поэт не проникся его либерально-гегельянским духом и не проявил существенного интереса к преподаваемым дисциплинам (на лекциях либо спал, либо писал стихи). Тем не менее в своих спокойно-доброжелательных воспоминаниях об этом времени среди немногих интересовавших его курсов Фет называет достаточно необычный для студента-словесника: «По неизвестным соображениям у нас на словесном факультете Чивилёв читал политическую экономию. Наука эта по математической ясности положений Смита, Мальтуса и других своих корифеев до сих пор служит мне для объяснения ежедневных передраг частного и государственного хозяйства. Заинтересованный совершенно новыми для меня точками зрения на распределение ценностей между людьми, я весьма удовлетворительно приготовился из этого предмета»⁵. Можно понять этот пассаж, конечно, так, что благодаря

этим лекциям Фет заинтересовался политэкономией в целом, как наукой и, так сказать, способом глядеть на определенные вещи в мире, однако, видимо, и индивидуальный взгляд лектора, его освещение предмета также повлияли на слушателя. Во всяком случае, позднее какого-либо интереса к политической экономии как к науке у Фета не зафиксировано и в общих чертах представления об этом предмете у поэта остались в пределах этого курса.

Понравившийся Фету лектор, Александр Иванович Чивилёв (1806–1867), представлял собой довольно яркую фигуру, хорошо вписывавшуюся в картину Московского университета 1840-х годов, принадлежа к лагерю Грановского, Крюкова и других. Он изучал политическую экономию в Санкт-Петербургском университете, в 1833 г. защитил в Дерпте магистерскую диссертацию «О призрении бедных», за которую получил степень магистра философии. Продолжил обучение в Берлинском университете, а вернувшись оттуда, в 1838 г. защитил докторскую диссертацию «О народном доходе» и тогда же был назначен экстраординарным профессором Императорского Московского университета по кафедре политэкономии и статистики⁶. Слушавший лекции Чивилёва, а затем ставший его коллегой историк С.М. Соловьев вспоминал: «Это был gentleman в наружности и манерах, честный, точный в исполнении своих обязанностей, умный и часто зло-остроумный человек, и если не холодный, то, по крайней мере, холодноватый <...> изложение Чивилёва, в научном отношении, кажется, было безукоризненно...»⁷. Б.Н. Чичерин, слушавший Чивилёва в 1846–1847 гг., также отзывался о нем скорее положительно, хотя и отмечал, что профессор читал свой полезный курс «по раз навсегда составленным запискам»⁸.

Мы не располагаем записями его лекций, но довольно уверенно можем судить о содержании и общем характере курса по косвенным данным. Кратко излагавший его Чичерин специально подчеркивает его скорее традиционалистский и чуждый «новым веяниям» характер: «На новейшие явления в области политической экономии, именно, на социалистические теории, вовсе не было обращено внимания. Чивилёв строго держался классической системы, установленной Адамом Смитом и его преемниками; но в этих пределах изложение было ясно, умно и последовательно. Оно давало полное понятие о предмете и возбуждало к нему интерес»⁹.

Тем не менее, видимо, нельзя сказать, что чивилёвские взгляды были отсталыми. Скорее, они вполне органически вписывались в общелиберальное движение эпохи. Так, в своем «Рассуждении, написанном для получения степени доктора философии» – «О народном доходе» (которое, видимо, и легло в основу его курса) Чивилёв, рассуждая о разграничении понятий труда и капитала, последовательно отрицает правильность понимания человека как разновидности капитала и тем самым (пусть и под прикрытием высокой научной абстракции) встает в ряды противников крепостного права, отрицая его законность и разумность: «Причислять человека к капиталу совершенно противно самой сущности хозяйства. Здесь человек представляется в его отношении к внешним предметам, служащим для удовлетворения его нужд; следовательно подводить его под одну категорию с сими последними значит смешивать цель с средствами, чрез что истинная точка зрения необходимо теряется, и понятия перепутываются»¹⁰.

Отрицая возможность представления человека как средства, а не как цели, Чивилёв также вполне прогрессивно отрицает за землей какое-либо особенное свойство, особенное положение в системе труда и капитала: «Те же писатели, которые приобретенное искусство, способность к труду и самого человека ставят на ряду с машиною, не признают однако ж качества капитала в почве, и рассматривают оную, как особенный источник дохода. На каком же основании? Если бы справедливо было ограничить значение капитала только тою частию достояния, которая употребляется в промышленных производствах: то бесспорно земля должна бы занимать первое место между всеми вещами, входящими в состав капитала, принимаемого в этом тесном смысле. Что земля дана природею, а не произведена человеческою промышленностью, это обстоятельство в сем случае ничего не доказывает; ибо если действительно наибольшая часть капиталов суть накопленные произведения предыдущего времени: то из этого нимало еще не следует, что именно те только вещи и могут быть называемы капиталом, которые суть плод сбережений»¹¹.

Нельзя не согласиться с Чичериным в том, что сами по себе взгляды Чивилёва вполне далеки от социализма. Несомненно, однако, и то, что они далеки и от патриархальной апологии помещичьего землевладения. Строго проводя политэкономический

взгляд на предмет, объявляя землю всего лишь одной разновидностью капитала, обладающей всеми его свойствами (имение рыночной стоимости, рентабельность, ликвидность и т.д.), Чивилёв не только последовательно «демитифицировал» сословные предрассудки в ее отношении. Как всякий капитал, она, согласно утверждаемой им концепции, могла эксплуатироваться с разной степенью эффективности, и ее цена и в более высоком смысле ценность зависели не только и не столько от ее качества и величины, но в большей степени от того, кто ею владеет и распоряжается, «капиталиста» и предпринимателя. Такие представления были вполне в духе либералов-западников 40-х годов, как раз в это время вступавших в борьбу со всяким идеализмом и начинавших культивировать образ реального деятеля, предпринимателя¹². Этот образ предпринимателя, способного сделать любой капитал эффективным, получил позднее литературное воплощение, например, у Гончарова, чей Штольц благодаря своим способностям и энергии не только оказывается успешным участником торговой компании, но и намного эффективнее владельца, которому имение досталось по наследству, обращается с Обломовкой, с земельной собственностью.

Именно такое представление о человеке как источнике труда и о земле как всего лишь капитале, требующем рационального использования, и преобладает у Фета. Роль хозяина земли не как владельца, но как «предпринимателя» он будет всегда подчеркивать в своей публицистике: «Только долговременный опыт может подтвердить <...> ошибочность мнения, будто сельское хозяйство может успешно идти без личной инициативы хозяина. При медленности обращения капитала, ни один труд не требует такого терпения и выдержанности, и нигде увлечение или небрежность не исправляются с таким трудом»¹³. Решив это для себя, Фет постоянно призывал настоящих помещиков перестать относиться к земле как источнику ренты, но видеть в ней капитал, который требует грамотного использования. И судьбы землевладения в России, по Фету, решатся не метафизически и не политически, а просто путем соперничества в эффективности управления: «Ежедневный опыт показывает, что на этих основаниях земли крупных владельцев переходят в руки всякого рода мелких промышленников, в том числе и крестьян. Прекрасно, скажете вы, капитал из неумелых рук

переходит в умелые. Новый хозяин, заплативший сравнительно высокую цену, не может, не разоряясь, довольствоваться прежнею доходностью имения. С экономической точки зрения возражать на это нечего»¹⁴.

Таким образом, Фет приобретал Степановку не для того, чтобы превратиться в какой-то симулякр помещика, а, как это ни странно, именно как лишившийся иллюзий и надежд на возвращение дворянского титула разночинец, воспитанный цитаделью либерализма 40-х годов – Императорским Московским университетом. Однако то, что казалось прогрессивно в 1840-е годы, перестало так восприниматься в 60-е. Что вызвало бы уважение и зависть прогрессивной общественности той эпохи, в новую стало вызывать в лучшем случае недоумение. Это, однако, предмет для особого рассуждения.

¹ Много сделано для преодоления устойчивых стереотипов, касающихся личности и судьбы Фета и понимания подлинных мотивов его поступков в книге В.А. Кошелева «Афанасий Фет. Преодоление мифов» (Курск, 2006).

² *Бухштаб Б.Я.* А.А. Фет. Очерк жизни и творчества. Л., 1974. С. 43.

³ Там же. С. 48.

⁴ См.: *Макеев М.С.* Афанасий Фет. М., 2020. Глава «Фермер».

⁵ *Фет А.А.* Ранние годы моей жизни. М., 1893. С. 180–181.

⁶ Императорский Московский университет: 1755–1917. Энциклопедический словарь. М., 2010. С. 820.

⁷ *Соловьев С.М.* Избранные труды. Записки. М., 1983. С. 260.

⁸ *Чичерин Б.Н.* Воспоминания. М., 2010. С. 176.

⁹ Там же.

¹⁰ *Чивилёв А.П.* О народном доходе. М., 1857. С. 11–12.

¹¹ Там же. С. 12.

¹² Об этом см., например, в нашей работе: Николай Некрасов. Поэт и Предприниматель. М., 2008. С. 51–70.

¹³ *Фет А.А.* Мои воспоминания. Ч. 1. М., 1890. С. 343.

¹⁴ *Фет А.А.* Соч. и письма: в 20 т. Т. 4. СПб., 2007. С. 364.